

UDC 929.5

**WOMAN'S HAGIOGRAPHIC TYPE IN XIX – EARLY XX CENTURY
HISTORIOGRAPHY**

Olga V. Gzhibovskaya

Sochi State University for Tourism and Recreation
Sovetskaya street 26a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000, Russia
PhD (history)
E-mail: o_haritonova@mail.ru

The article deals with woman's hagiographic type in XIX – early XX centuries national historiography.

Keywords: historiography, saint wives, Russian hagiography, rank of holiness, blessed princesses, ascetics.

До канонизации Ксении Петербургской, русская женская святость знала три чина – праведные жены, благоверные княгини и святые-подвижницы. Древнерусскими книжниками были созданы высокие идеальные характеры женщин: это мудрая княгиня Ольга, поэтичная Ярославна, святая Феврония; Г.П. Федотов называет приблизительное число канонизированных жен – около двенадцати, среди которых ученый называет еще Ефросинию Полоцкую (1173), Анну Кашинскую (1368), Ефросинию Московскую, жену Димитрия Донского (1407) и Юлианию Лазаревско-Муромскую (1604). Данный перечень, далеко не полный [1].

В исследовании А. Трофимова указан краткий обзор упоминаемых имен святочтимых жен по данным русской исторической литературы: в исследовании Е.Е. Голубинского (1903) – 5; в «Книге глаголемая о Российских святых, где в коем граде, или области, или в монастыре, или в пустыне поживе и чудеса сотвори, всякого чина святых» – 25; в «Словаре историческом о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, место чтимых» (1862) – 17; список имен в Праздничной Минее (1967) – 45; в исследовании В.О. Ключевского представлен анализ житий пяти святых жен [2]. К данному списку можно добавить данные приведенные в исследовании Н.П. Барсукова «Источники русской агиографии», где содержатся сведения о 34 канонизированных, не канонизированных и местночтимых святых женах [3].

Исторических и историко-литературоведческих работ, посвященных женским образам, было написано сравнительно не много. Как правило, женские «портреты» можно увидеть в трудах по истории России, где например на основании данных летописей и житий часто рассматривался образ княгини Ольги; в работах, посвященных истории женских монастырей и крещению Руси; в историко-литературных сочинениях, где рассматривался «женский литературный тип Древней Руси», а также в сочинениях богословского и назидательного характера. Так как современная историческая наука уделяет немало внимания гендерной проблематике, то дореволюционная историография «женского вопроса» уже известна – это исследования таких историков как Н.А. Цертелев, Д.И. Языков, И.Е. Забелин, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев, А.В. Терещенко и многие другие. Большинство исследований было посвящено положению русской женщины в эпоху древней и средневековой Руси, ее положению в семье, правовому статусу [4]. Однако, далеко не все исторические сочинения опирались на агиографический материал,

источниками данных о русских женщинах служил летописи, актов, этнографический и музейный материал (бытовые предметы, костюмы).

Из работ, в которых женский образ, отчасти реконструировался по житийным памятникам, назвать историко-литературные сочинения о Марфе Посаднице Н.М. Карамзина и М.П. Погодина, где образ Новгородской боярыни был воссоздан не без обращения к агиографической литературе [5].

И.С. Некрасов и Ф.И. Буслаев в научных статьях сосредоточили внимание на понятии «литературного женского типа», а именно на типологических чертах, с которыми изображались женщины в древнерусской литературе, в том числе житий святых [6]. «Эти просветленные идеалы древней Руси, – писал Ф.И. Буслаев, – были те избранные люди, святые и блаженные, жития которых предлагают историку русской литературы самый обильный материал для изучения нашей старой Руси, не только в религиозном и вообще бытовом, но и в художественном отношении» [7]. Основываясь на данных православного Месяцеслова, ученый пришел к выводу, что «хотя религиозные идеалы древней Ольги, Евфросинии Суздальской, Февронии Муромской, – писал ученый, – дают нам право думать, что в древней Руси женщина не настолько была унижена, чтобы не могла почитаться достойною сияния святости, однако все же не более, как за шестью русскими женщинами сохранилась до наших времен в общем признании эта высокая честь» [8].

Анализируя перечень «святочтимых» женщин Древней Руси по «Книге глаголемой о Российских святых...», Ф.И. Буслаев выделил общие черты почитания данного типа святости: во-первых, почти все святые жены княжеского рода. Исключения малы и кажутся ему случайностью. Во-вторых, при святочтимом супруге чувствуется очень часто и его жена. В-третьих, иногда чествование простирается на целую фамилию, на сестер, дочерей, даже на снох [9]. «Идеальный характер» имел не только социальное происхождение, но и свою «территориальную принадлежность». «Всматриваясь в местные предания и сказания, – пишет автор, – не можем не заметить, что каждая область имеет свой собственный характер в истории русской литературы и быта. На долю Муромца по преимуществу досталось литературное развитие идеального характера русской женщины; по крайней мере, этот предмет составляет главное содержание Муромского житийника» [10]. Одна из главных черт русских святых жен – это служение семье, мужу и ближним. Идеал супруги, по мнению Ф.И. Буслаева, отражен «в поэтических чертах Февронии, характер которой стоит на переходе от мифической Вещей Девы к историческому лицу» [11]. Нежная любовь двух сестер, Марии и Марфы, дала содержание легенде об Унженском Кресте, а идеал матери изображен в лице Юлиании Лазаревской сыном ее Калистратом Осорьиним [12].

В 1860-х гг. из числа работ, освещающих домашнюю жизнь и нравы людей X–XVI вв., выделились труды И.Е. Забелина, который использовал широкий круг источников: летописи, свидетельства иностранцев, древнерусскую житийную литературу, памятники материальной культуры и др.

В 1864 году вышло специальное исследование А.В. Добрякова «Русская женщина в домонгольский период». Автор поставил перед собой цель «рассмотреть, как представляют женщин памятники древнейшего периода русской жизни», в категории исторических источников положения женщин в семье и обществе указывались жития святых Добряков исследует ограниченный круг агиографических памятников: «житие св. Феодосия, написанное Нестором (по писку XII в. изданному Бодянским – авт.); житие св. Ольги, местами вошедшее в летопись, житие Св. Евфросинии Полоцкой, сохраненное главными чертами в списках позднейшего времени, ... житие св. Февронии Муромской». Эти жития в работе дополняют летописный материал, служат источником «преимущественно

внутреннего быта» женщины-христианки из княжеского и боярского рода [13]. А.В. Добряков очерчивает отдельные аспекты жизни русских инокинь, их путь к монашеству от родительского дома, через образование и сознательный выбор отшельнической жизни в юном возрасте на примере Евфросинии Полоцкой.

Возможности использования агиографического материала для изучения древнерусской истории исследовал в 1871 г. В.О. Ключевский и пришел к выводу, что типичность, шаблонность описаний жизни, поведения, самих образов древнерусских женщин в житийной литературе и связанное с этим искажение фактов являются помехой для привлечения житий как источника исторического исследования [14].

Женскому чину святости посвящена отдельная глава в работе «Святые Древней Руси» известного русского философа и историка Г.П. Федотова, выполненная им уже в эмиграции. «Известная социальная приниженность русской женщины, – писал о святых женах Г.П. Федотов, – особенно в московский период, очевидно, сказалась и в духовной жизни: в отсутствии религиозной инициативы, героической жертвенности, в теплом характере благочестия. Женские монастыри на Руси имели скорее значение институтов общественного призрения, убежищ и богаделен для вдов и не вышедших замуж девиц, преимущественно из боярской среды. Героическое подвижничество и тем более пустынножителство среди русских инокинь неизвестны» [15].

Итак, если святые-подвижники, князья и просветители пользовались постоянным «вниманием» ученых XIX века, то агиографический тип «святых жен» не был предметом специального исторического исследования. Причин тому несколько: во-первых, понятие «святые жены» не является каноничным типом святости, и чаще упоминается как собирательный образ; во-вторых, русская литература, в том числе агиографическая, сохранила крайне мало правдоподобных женских образов, что было отмечено многими известными отечественными учеными XIX начала XX века. На основании древнерусской литературы житий святых реконструировались отдельные вопросы древнерусского быта, семейных отношений и женских монашеских традиций.

Примечания:

1. Федотов Г.П. Святые древней Руси. М.: Издательство АСТ, 2003. С. 195.
2. Трофимов А. Святые жены Руси. М.: Энцикл. рос. деревень, 1994. 230 с.: Приложение С. 193–222.
3. Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб.: тип. А.А. Стасюлевича, 1882. XII с., 616 стб.
4. Пушкарева Н.Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. – М.: Издательство ИЭА РАН, 1996. С. 9–62 (зарубежная историография); Пушкарева, Л.Н. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. С. 177–187; Отечественная историография вопроса о положении женщин на Руси X–XV вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 193–208.
5. Карамзин Н.М. Марфа Посадница, или покорение Новгорода // Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т.2. С. 680–728.
6. Некрасов И.С. Женский литературный тип Древней Руси / Статья И. Некрасова. Воронеж: тип. В.Гольдштейна, 1864. 34 с.; Буслаев Ф.И. Идеальные женские характеры Древней Руси // Русский вестник. 1858. Т. XVII (октябрь). Кн. 1. С. 417–440.
7. Буслаев Ф. И. Указ. соч. С. 417.
8. Там же. С. 423–424.
9. Там же. С. 425.
10. Буслаев Ф. И. Указ. соч. С. 426.

11. Повесть жития св. чудотворцов муромских, благоверного и преподобного и достохвалного князя Петра, нареченного во иноческом чину Давида, и супруги его благоверныя и достохвалныя княгини Февронии, нареченныя во иноческом чину Ефросинии. / Мес. июня 25 день. // Жития Святых русских и Апокалипсис толковый, полуустав XVI в., в лист, 728 листов. Ф. 304. I. № 692. Л. 697–706. ОР РГБ.

12. Буслаев Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси // Русский вестник. 1858. Т. XVII (октябрь), кн. 1. С. 425–426.

13. Добряков А.В. Русская женщина в домонгольский период. СПб.: типография Безобразова, 1864. С. 6–7.

14. Федотов Г.П. Святые древней Руси. М.: Издательство АСТ, 2003; Харитоновна О.В. По следам житейских произведений: исторические представления в агиографическом труде Димитрия Ростовского // История и историки в контексте времени. 2005. № 3. С. 175–191; Гжибовская О.В. От рукописных коллекций к научной археографии житий святых XIX – начала XX вв. // История и историки в контексте времени. 2009. № 6. С. 140–152; Гжибовская О.В. Жития святых как исторический источник в исследованиях Н.М. Карамзина и М.П. Погодина: к постановке проблемы // История и историки в контексте времени. 2010. № 7. С. 179–186; Гжибовская О.В. Данные житий для характеристики исторической личности в историографии XIX – начала XX вв. // Вестник СГУТиКД. 2009. № 1 (7). С. 171–178.

15. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Изд-во Солдатенкова, тип. Грачова, 1871. 465 с.

УДК 929.5

ЖЕНСКИЙ АГИОГРАФИЧЕСКИЙ ТИП В ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Ольга Вячеславовна Гжибовская

Сочинский государственный университет туризма и курортного дела
354003, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат исторических наук
E-mail: o_haritonova@mail.ru

В статье рассматривается женский агиографический тип в отечественной историографии XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: историография, святые жены, русская агиография, чин святости, благоверные княгини, подвижницы.